

Ю Л И Я Х А Б И Б У Л И Н А

МЕЖДУ ЗНАКАМИ

ЛЮДИ ИЩУТ ЗНАКИ.
А ЧТО, ЕСЛИ ВСЁ ГОРАЗДО СТРАННЕЕ?

ХОРОШИЕ
ВОПРОСЫ
ДВИГАЮТ
ВПЕРЕД

НАУЧНАЯ
ИСТОРИЯ
О ЛЮДЯХ,
СЛУЧАЙНОСТЯХ
И ВСЕЛЕННОЙ,
КОТОРАЯ ВСЁ РАВНО
УДИВЛЯЕТ

НАУКА

ЛЮДИ

СЛУЧАЙНОСТИ

КОСМОС

ИСТОРИИ

БОЛЬШИЕ
ОТВЕТЫ
НАЧИНАЮТСЯ
С ВОПРОСОВ

РО М А Н

Юлия Хабибулина
Между Знаками

«Автор»

2026

Хабибулина Ю.

Между Знаками / Ю. Хабибулина — «Автор», 2026

Мира Соколова не верит в знаки. На станции «Пульсар» она каждый день разбирает чужие сны, совпадения, странные числа и сообщения, которым люди хотят придать тайный смысл. Почти всему находится объяснение. Почти. Однажды среди обычных космических помех появляется голос, которого там быть не должно. Он говорит всего четыре слова: «Не объяснять. Сначала послушать».

© Хабибулина Ю., 2026

© Автор, 2026

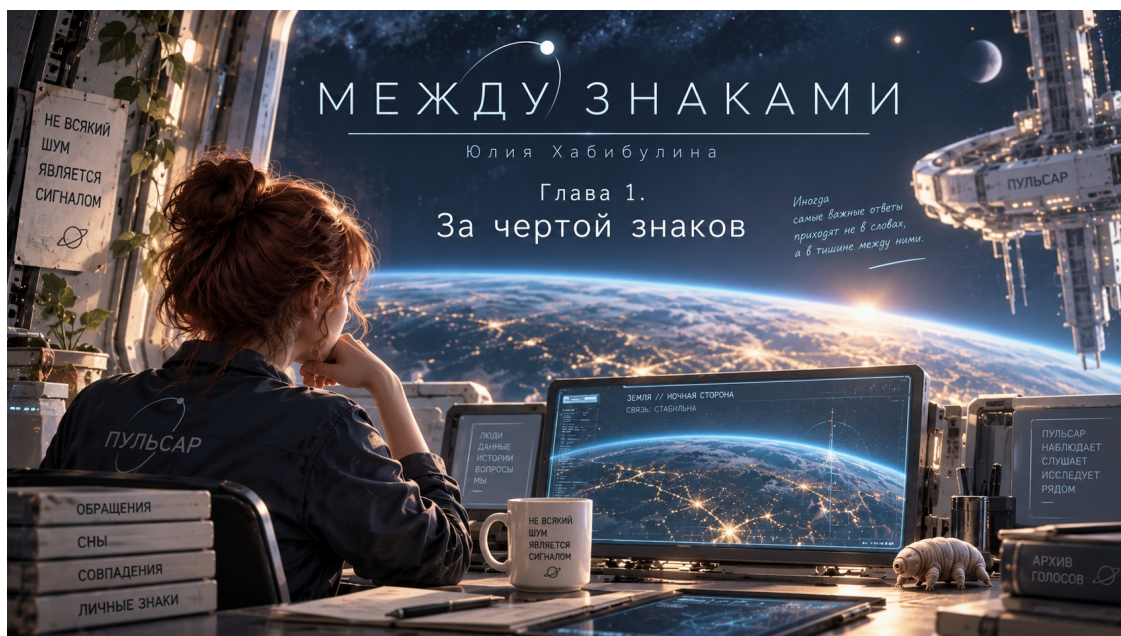
Содержание

ГЛАВА 1. ЗА ЧЕРТОЙ ЗНАКОВ	5
ГЛАВА 2. ДЕЛО 001: ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ ЧИСЛА	12
ГЛАВА 3. ТИХОН ВЫХОДИТ ИЗ РЕЖИМА 0 ДБ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Хабибулина

Между Знаками

ГЛАВА 1. ЗА ЧЕРТОЙ ЗНАКОВ

Где-то в бескрайнем глубоком космическом пространстве, над тёмной стороной Земли, как старая лампа в окне чужого дома, висела станция "Пульсар,,.

Издалека она казалась практически неживой: кольцо антенн, несколько жилых модулей, серебристая рубка наблюдения и длинный хвост архивных отсеков, в которых хранились голоса тех, кто однажды очень хотел быть услышанным.

Но внутри станция дышала, пусть и не как человек, а несколько иначе и тише. Она гудела вентиляцией, щёлкала реле, переговаривалась с самой собой короткими электронными звуками и время от времени вздыхала старыми фильтрами, словно устала объяснять Вселенную людям.

Мира Соколова любила ночное время смены.

С 02:00 до 05:00 по земному координационному времени на станцию почти никто не выходил на связь, операторы центральных орбитальных архивов спали, научные группы присылали данные автоматически, а колонии молчали совсем. Даже тревожные гражданские обращения, которые обычно сыпались в архив непрерывным серым ливнем, становились реже.

Ночью люди меньше перебивали космос.

Мира сидела в рубке наблюдения, поджав одну ногу под себя, и просматривала входящие обращения. На столе рядом стояла чашка с остывшим кофе, на которой небрежно приклеена наклейка: «**ШУМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИГНАЛОМ.**»

Наклейка облезла с края, и это казалось невероятно символичным.

На главном экране медленно прокручивалась очередь сообщений.

Обращение 18-441. Категория: личный знак.

«Здравствуйте. Уже четвёртый день подряд я вижу на таймере число 11:11. Сначала не обращала внимания, но затем то же самое произошло, когда я вспоминала бывшего мужа. Могла ли Вселенная таким образом сообщать мне о том, что он вернётся?»

Мира поставила отметку: когнитивное смещение, эффект частности, рекомендовать консультацию психолога при усилении тревоги.

Следующее.

Обращение 18-442. Категория: сон.

«Мне приснилась мама, которой нет уже восемь лет. Она сказала не ходить туда, где я могу увидеть белый свет. Утром я узнал в новостях про аварию на станции „Белый свет“. Это предупреждение?»

Мира медленно выдохнула.

Такие сообщения она всегда перечитывала несколько раз.

Не потому что верила. Нет. С этим было покончено.

Просто за каждым таким обращением стоял человек, который скучал, боялся или не знал, куда положить свою боль, чтобы она перестала мешать дышать.

Она открыла служебную форму ответа.

«Сны часто используют образы, связанные с сильными эмоциями, утратой или тревогой. Совпадение с названием станции может казаться особенно значимым, потому что мозг связывает яркие события в историю. Это не делает вашу любовь к матери менее настоящей. Но, вероятнее всего, сон не является каким-то внешним предупреждением».

Мира перечитала, стёрла последнее предложение и написала иначе:

«Сон мог быть способом, которым ваша память снова дала вам встретиться с человеком, по которому вы скучаете».

Так было честнее.

И мягче.

Она отправила ответ, хотя знала: человек, скорее всего, хотел услышать совершенно другое. Что мама действительно приходила. Или что смерть не поломала связь, а мир устроен так, чтобы никто не исчезал окончательно.

Мира тоже когда-то хотела, чтобы мир был устроен именно так.

За иллюминатором медленно поворачивалась Земля. Ночная сторона была прошита огнями городов. Они складывались в тонкие нервные сети, похожие на светящийся мозг: материки думали, облака расползались над ними, как забытые мысли.

Мира смотрела на планету и пыталась не вспоминать Центр.

Получалось плохо.

Центр толкования сигналов располагался внизу, на Земле, в городе, где вечерами пахло мокрым асфальтом и рекламой. Когда-то Мира работала там младшим аналитиком. Потом старшим. А затем голосом ночных расшифровок.

Люди присылали им свои совпадения, сны, предчувствия, странные цифры на чеках, птиц на подоконнике, внезапно включившиеся песни, фразы незнакомцев в метро.

А Центр отвечал.

Красиво. Уверенно. За деньги.

«Вселенная обращает ваше внимание на незавершённый урок».

«Ваш сон говорит о переходе и внутренней трансформации».

«Повторяющиеся числа подтверждают, что вы на верном пути».

«Сигнал принят. Ваше поле готово к новой линии судьбы».

Сначала Мира думала, что они помогают.

Человеку больно или страшно, он получает ответ, и становится спокойнее. Разве это плохо?

Но потом она увидела внутренние инструкции.

Как писать так, чтобы человек вернулся за новой расшифровкой.

Как не давать окончательных ответов.

Как усиливать ощущение тайны.

Как превращать случайность в зависимость.

После этого у Миры будто вынули из груди маленькую лампочку.

Её мир не стал темнее, но она узнала, что часть света просто нарисована на стене, ненастоящая.

С тех пор она не верила в знаки.

И вовсе не из холодности или желания быть умнее других.

Она не верила, потому что однажды убедилась, как легко человеческую тоску можно завернуть в красивую фольгу и продать в качестве послания Вселенной.

На панели что-то пискнуло.

Мира вздрогнула и подняла глаза.

По нижнему краю экрана пробежала строка системного уведомления:

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СИГНАЛ. ИСТОЧНИК НЕ ОПРЕДЕЛЁН. ПРИОРИТЕТ: НИЗКИЙ.

Приоритет низкий. Значит, скорее всего, мусор.

Космос полон мусора.

Старые спутники, потерянные маяки, обрывки автоматических передач, радиоотражения и рекламные блоки, застрявшие в архивных каналах с тех времён, когда человечество ещё считало хорошей идеей отправлять в открытый космос промо-ролики энергетиков.

Мира открыла запись.

На экране появилось серое поле спектрограммы. Ничего особенного: неровная полоса частотного шума, слабый повторяющийся пик в верхнем диапазоне, несколько провалов, похожих на ошибки декодера.

Она включила радио.

Рубку заполонил шорох.

Сухой, зернистый, и даже приятный.

Так шуршат старые плёнки, когда на них давно ничего нет, но они всё равно крутятся, потому что кто-то забыл нажать стоп.

Мира прибавила громкость, и шорох стал глубже. В нём мелькали щелчки, короткие трески, тонкий свист. Казалось, что где-то очень-очень далеко кто-то пытается настроить радио под водой.

На экране замигала надпись:

РАСПОЗНАВАЕМЫЙ РЕЧЕВОЙ ПАТТЕРН НЕ ОБНАРУЖЕН.

Конечно.

Она уже собиралась отправить запись в папку «фоновые помехи», когда справа от терминала зашевелился клубок серо-бежевого материала.

Клубок был размером с детский кулак, имел восемь коротких лапок, странную складчатую форму и вид существа, которое не столько проснулось, сколько временно согласилось снова участвовать в реальности.

Тихон.

Официально: экспериментальный микроорганизм класса Tardigrada, модифицированный для тестирования выживаемости в условиях радиационных перегрузок и длительных межорбитальных экспедиций.

Неофициально: единственный обитатель станции, способный спать в аварийном отсеке, контейнере для кабелей, внутри старого ботинка и в ящике с документами, помеченном «срочно».

Мира называла его Тихоном, потому что первые три недели после прибытия на станцию он не издал ни единого звука, не проявил интереса ни к чему, кроме конденсата на трубах, и создавал вид существа, который уже и так знает об этой Вселенной самое неприятное, поэтому к чему драматизировать...

Сейчас Тихон выбрался из-под термоплекда, забрался на край панели и замер.
Его маленькие коготки мягко щёлкнули по пластику.

Мира посмотрела на него.

— Тебе тоже не нравится?

Тихон, разумеется, не ответил.

Он был тихходкой. Даже модифицированной тихходкой. Его коммуникатор переводил движения только в базовые сигналы: голод, холодно, влажность, угроза, сон, неизвестный раздражитель.

Но Мира была почти уверена, что он понимает больше.

Коммуникатор на его крошечном нагрудном креплении замигал жёлтым.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

— Прекрасно, — сказала Мира. — Научный вклад принят.

Она снова посмотрела на спектрограмму.

Шорох продолжился.

Автоматическая система пыталась вычленить структуру, но алгоритм выдавал только мусорные вероятности. Мира переключила режим с речевого анализа на временной.

Пульсация повторялась.

Звук был похож на дыхание человека, который старается не заплакать.

Мира поморщилась.

Это было плохое сравнение — очень человеческое и литературное. Из тех, за которые в Центре ей когда-то платили премии.

Она открыла ручную разметку сигнала и начала чистить шум сама. Убрала низкочастотный фон станции, отфильтровала стандартные орбитальные помехи, наложила коррекцию на старый канал дальней связи.

Шорох стал прозрачнее.

Под ним что-то было...

Голос? Да вроде нет.

Сначала это казалось просто провалом в шуме. Затем провал повторился ещё несколько раз. Три коротких участка тишины, один длинный, снова короткий.

Мира нахмурилась.

— Только не азбука Морзе, — пробормотала она. — Пожалуйста. Давайте обойдёмся сегодня без драматичных приветов из прошлого.

Она прогнала последовательность через старые протоколы кодирования.

Ничего.

Через аварийные маяки.

Ничего.

Черех архив военных сигналов.

Ничего.

Тихон подполз поближе к динамику и сел перед ним с таким важным выражением мордашки, словно присутствовал на заседании комиссии.

— Не поддакивай космосу, — сказала Мира. — Он и без тебя любит внимание.

Станция тихо гудела.

За иллюминатором появилась линия рассвета: тонкий синий край над Землёй. Свет ещё не вошёл в рубку, но уже начал собираться на стекле, как молоко в темноте.

Мира хотела закрыть запись.

Правда хотела.

Существовал протокол: сигналы с низким приоритетом, не содержащие распознаваемых речевых или технических паттернов, автоматически отправлялись в буфер на семь суток. Потом удалялись, если никто не находил в них ценности.

Космос каждый день производил бесконечное количество бессмыслицы. Нельзя же было вглядываться в каждую точку шума, иначе очень быстро начинало казаться, что точки смотрят в ответ.

Мира знала это лучше многих.

Но Тихон не двигался.

И это почему-то мешало нажать на кнопку «архивировать как шум».

Она снова включила запись.

Шорох.

Пульсация.

Три коротких провала. Один длинный. Один короткий.

Потом что-то изменилось.

На самой границе слышимости появился звук, похожий на попытку голоса вспомнить, как быть самим собой.

Мира выпрямилась.

Система тоже заметила изменение. На экране мигнуло:

ВОЗМОЖЕН ФОНЕМНЫЙ ФРАГМЕНТ. ВЕРОЯТНОСТЬ: 12,4%.

— Ну конечно, — тихо сказала Мира. — Двенадцать процентов. Почти как надежда, только с цифрами.

Шорох.

Провал.

Слабый звук.

Она усилила.

Повторила.

Очистила.

Повторила ещё раз.

Теперь в шуме действительно что-то проступало. Тень слов. Слепок речи, оставленный в помехах.

Мира включила старый акустический фильтр, которым почти никто не пользовался. Он был создан для восстановления архивных плёнок первых космических экспедиций. Система не любила этот фильтр, потому что он часто достраивал слишком многое. Архивисты шутили, что он страдает избыточным воображением.

Мира не любила такие штуки.

Но включила.

Шум провалился.

Рубка на мгновение стала почти тихой.

Потом из динамика вышел голос.

Неровный.

Женский или детский, определить было невозможно.

Он сказал:

— Не объяснять.

Мира не пошевелилась.

Тихон поднял переднюю пару лапок.

Система вывела расшифровку:

НЕ ОБЪЯСНЯТЬ.

Мира почувствовала, как у неё неприятно похолодели пальцы.

Она быстро проверила источник воспроизведения. Потом буфер, внутренние аудио-файлы станции и системные оповещения.

Никаких совпадений. Запись была внешней.

Она снова нажала воспроизведение.

Шорох.

Провал.

Голос.

— Не объяснять.

И ещё что-то после этого.

Мира приблизила фрагмент, вырезала лишние частоты, изменила скорость на три процента.

Голос возник снова. На этот раз фраза была длиннее.

— Не объяснять. Сначала послушать.

Мира откинулась на спинку кресла.

Внутри у неё поднялась странная злость.

Такую фразу мог бы написать кто-то из Центра. Один из их наставников. Тех людей, которые любили говорить мягко, смотреть внимательно и уводить разговор от фактов к «глубинному смыслу». Такие фразы звучали красиво и почти всегда означали, что сейчас тебя будут вести туда, куда тебе не нужно.

Не объяснять.

Сначала послушать.

Мира сжала губы.

— Нет, — сказала она в пустую рубку. — Сначала проверить источник. Затем — канал. Далее — убедиться в том, что это не подделка. Построить гипотезу. И уже потом, может быть, послушать.

Тихон повернул к ней голову всем своим складчатым телом.

Коммуникатор мигнул.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

— Да, я знаю.

Мира открыла протокол высокого приоритета вручную.

Сигнал по-прежнему числился низким. Источник не определён. Частота нестабильна. Координаты плавают. Автоматическая система считала его помехой.

Но в помехе была точная фраза.

Даже слишком точная.

Она ввела временную метку, сохранила копию, отправила запрос на глубокий анализ и уже собиралась добавить комментарий, когда экран мигнул.

На секунду изображение Земли за иллюминатором отразилось в стекле монитора, и Мира увидела своё лицо поверх серого поля спектрограммы: уставшие глаза, бледная кожа, волосы, собранные кое-как и лицо человека, который давно построил вокруг себя крепость из объяснений и теперь услышал, как кто-то постучал не в дверь, а прямо в стену.

На экране появилась новая строка.

Не системная.

Не в стандартном формате.

Просто белые буквы на чёрном фоне.

АРХИВНОЕ ДЕЛО ОТКРЫТО.

Мира замерла.

Строка исчезла.

Вместо неё вернулась обычная панель анализа.

Мира резко наклонилась к терминалу, открыла системный журнал и проверила последние действия.

Ничего.

Никакой команды.

Не было ни открытия дела, ни внешнего доступа.

Только один новый файл в буфере входящих.

Без номера. Категории. Источника.

Название файла состояло из одной фразы:

Сначала послушать.

Мира долго смотрела на него.

Потом перевела взгляд на Тихона:

— Мы не будем делать из этого знак, — сказала она.

Тихон моргнул. Очень медленно. С видом существа, которое пережило вакуум, радиацию, заморозку и потому не особенно доверяло категоричным заявлениям крупных млекопитающих.

Мира протянула руку к панели.

За окном Землю прорезал рассвет.

Станция «Пульсар» вошла в свет, но рубка почему-то казалась темнее, чем минуту назад.

Мира нажала кнопку воспроизведения.

И впервые за много лет не стала ничего объяснять.

ГЛАВА 2. ДЕЛО 001: ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ ЧИСЛА

Сигнал не исчез.

Мира проверила трижды, потому что считала важным убедиться в реальности того, от чего становится тревожно-холодно на душе.

Файл лежал во входящем буфере станции «Пульсар», не предвещая сюрпризов.

/СНАЧАЛА ПОСЛУШАТЬ/

Название осталось прежним, время поступления не сбивалось, а системный журнал явно демонстрировал, что у файла нет автора, его не переименовывали и не открывали архивное дело. Автоматическая диагностика не смогла обнаружить ничего особенно подозрительного, что раздражало сильнее всего.

Станционные системы были старые, капризные и местами собранные на честном слове, изолянте и упорстве четырёх поколений инженеров. Но раньше у всех странностей, которые они обнаруживали, были реальные причины. Износ контакта. Скачок напряжения. Ошибка синхронизации. Плохая защита от солнечного ветра. И просто знаменитый человеческий фактор, бессмертный, как таракан в музейном отсеке.

А здесь причины не было.

Существовали файл, фраза и голос в шуме.

А Мира сидела перед монитором уже сорок минут и пыталась не делать того, что от неё, кажется, хотели. А именно не превращать всё это в знак.

Она открыла новую карточку расследования.

Архивное дело: временное, Категория: неопределённая, Источник: не установлен, Приоритет: ручной, Оператор: М. Соколова.

Пальцы зависли над строкой названия.

Мира посмотрела на Тихона.

Он сидел у динамика и был похож на маленького серо-бежевого сторожа маяка. За время проверки он успел уснуть, проснуться, облизнуть край панели, получить от автоматического дозатора каплю питательного раствора и снова притвориться существом, ответственным за моральное состояние Вселенной.

— Не смотри на меня так, — сказала Мира. — Я НЕ нервничаю.

Коммуникатор на его креплении мигнул зелёным.
СПОКОЙНО.

— Вот именно.

Мира набрала название:

Дело 001: Повторяющиеся числа.

Но помедлила.

Числа же не при чём. Странный файл вовсе не содержал чисел, если не считать меток времени, частотных диапазонов, процента вероятности фоновного фрагмента и её собственного пульса, на показатель которого умные часы уже давно пытались обратить внимание своего владельца.

Но первое обращение в очереди после неизвестного сигнала было как раз о числах. И иногда расследования начинались не с главной улики, а с того, что лежало или находилось рядом.

Мира ненавидела эту мысль, так как она слишком уж походила на интуитивную.

Очередь гражданских обращений мигала мягким серым цветом. За время, пока она занималась странным файлом, накопилось ещё двадцать семь запросов.

Большинство из них система уже предварительно распределила по категориям: сон; личный знак; совпадение; тревожное предчувствие; голос умершего родственника; подозрение на внешнее наблюдение; повторяющиеся числа.

Последняя категория встречалась чаще обычного.

Обращение 18-447. Категория: повторяющиеся числа.

«Здравствуйте. Это прозвучит глупо, но я уже неделю просыпаюсь в 03:17. Сначала подумал, что у соседей шумит вентиляция. Но затем уехал на другую станцию, а там всё то же самое. Сегодня опять проснулся, посмотрел на часы и понял, что боюсь засыпать. Что это может значить?»

Мира выпрямилась.

Просыпаться в одно и то же время было совершенно обычным явлением. Сон состоит из циклов. Мозг всплывает ближе к поверхности активной фазы несколько раз за ночь. Стоит один раз заметить время пробуждения, испугаться или заинтересоваться, и внимание начинает цепляться за него снова.

В 03:17 могло происходить что угодно. Шуметь труба или меняться температура в комнате, например. Организм человека в состоянии сформировать привычку или находиться в более тревожном и возбуждённом состоянии какой-то промежуток времени, или просто запомнить именно те случаи, когда обращал внимание на время, а остальные просто-навсего забыть.

Мира открыла форму ответа... но не отправила. Вместо этого добавила сообщение в новое дело. И открыла следующее.

Обращение 18-452. Категория: повторяющиеся числа.

«У меня уже третий раз за месяц останавливается таймер на 03:17. Первый раз я пекла хлеб, второй раз сушила образцы в лаборатории, третий раз произошёл с детским таймером для уроков. Устройства все разные. Муж смеётся и говорит, что я просто заиклилась, и сама ищу такие случаи. Но мне не смешно».

Следующее.

Обращение 18-459. Категория: личный знак.

«Мне попался билет на шаттл с местом 3, ряд 17. Номер моей камеры хранения — 0317. На днях я включила музыку, и песня остановилась ровно на 03:17. Я так забеспокоилась, что не подписала важный документ, вдруг это знак, что не стоит. Теперь думаю, правильно ли сделала».

Следующее.

Обращение 18-463. Категория: сон.

«Во сне я стоял в коридоре, в котором все двери были закрыты. На одной двери я увидел цифры 03:17. За дверью кто-то стучал. Я проснулся. Было 03:17».

Мира медленно убрала руку от клавиатуры.

В рубке стало настолько тихо, что было слышно, как работает вентиляция.

Она переключила фильтр очереди и ввела:

03:17

Система подгружалась полсекунды, а затем экран заполнился результатами. Не сотнями — уже хорошо. Не тысячами — ещё лучше. Сорок два обращения за последние десять суток.

Слишком много для случайного бытового совпадения, но всё ещё мало для массового события. Такое мерзкое промежуточное значение, при котором статистика ещё не даёт пощёчину суевериям, но уже кажется подозрительной.

Мира открыла распределение по источникам.

Сообщения пришли с Земли, Луны, марсианской орбиты, станции «Гелиос-6», грузового корабля «Северный сад», двух частных исследовательских платформ и даже с одного поселения на Европе, где сильно лагала связь.

Разные места, часовые зоны, устройства, и при этом одинаковая комбинация.

Мира потянулась к чашке, вспомнила, что кофе давно остыл, и всё равно сделала глоток.

Кофе был ужасен.

Это успокаивало.

В нём не было никакой тайны. Чистая, стабильная реальность.

Она открыла аналитический модуль и начала выстраивать рабочие гипотезы.

Гипотеза 1: информационное заражение. Кто-то опубликовал историю про 03:17, другие увидели, запомнили, начали замечать у себя.

Мира запустила поиск по открытым сетям.

Первые совпадения нашлись быстро. Форум тревожных сновидений. Канал о «личных кодах Вселенной». Видео с заголовком: «03:17: время, когда судьба стучит в дверь».

Мира скривилась.

— Конечно, — сказала она. — Судьба, видимо, пользуется очень конкретным расписанием.

Тихон не оценил шутку. Или просто сделал это молча, чтобы не обращать на себя внимания.

Видео оказалось старым, двухлетней давности. Форумная тема — тоже. Никакой свежей вспышки активности. Гипотеза не умерла, но перестала иметь вес.

Гипотеза 2: технический сбой распространённой серии устройств. Если несколько популярных таймеров, часов или браслетов имели дефект синхронизации, люди могли столкнуться с одной и той же меткой.

Мира проверила модели устройств, упомянутые в обращениях.

Ничего общего.

Станционные часы, механический таймер, детский браслет, медицинский монитор, печь, тренировочный симулятор, старый кассетный плеер.

Гипотеза 3: человеческое внимание. Самая скучная, вероятная, недооценённая.

Человек замечает совпадение, и мозг начинает искать подтверждения. Всё, что совпадает, сияет и искрится особенным светом. А то, что отличается, проваливается в глубокую тёмную яму. Так рождаются узоры на пустом месте.

Мира написала эту гипотезу первой в карточке дела.

И добавила: но требуется проверить необычную плотность совпадений за короткий период.

И тут же пожалела.

Ей показалось, что фраза приглашала случайность присесть напротив и налить себе чаю.

На боковой панели мигнуло новое сообщение.

Обращение 18-474. Категория: тревожное предчувствие.

Мира открыла его без особого интереса.

«Я работаю на смене в гидропонном блоке «Северный сад»». Сегодня утром в 03:17 отключился свет в третьем секторе. Ровно на семнадцать секунд. Растения не пострадали. Система пишет, что это мелкий сбой, но я видел кое-что странное. На стекле камеры появился отпечаток ладони. Людей внутри неё не было».

Мира прикрыла глаза.

— Нет, — сказала она. — Не надо.

Рубка, конечно, ничего не ответила.

Она добавила обращение в дело.

Затем открыла архив происшествий по «Северному саду». Свет в третьем секторе действительно отключался. Ровно в 03:17 по локальному времени станции. На семнадцать секунд.

В примечании инженера значилась причина: кратковременный сбой датчика влажности. Угрозы нет.

Фото отпечатка было приложено.

Мира увеличила изображение.

Стеклянная стенка камеры была покрыта плотным слоем мелких капель. В центре реально виднелся след, похожий на ладонь. Большую. Человеческую. Пальцы чуть растопырены, словно кто-то опёрся о стекло с другой стороны.

Но внутри камеры отсутствовало место для человека. Там росли салатные культуры, моховые матрицы и карликовые томаты, выведенные специально для станций с низким потреблением воды.

Мира увеличила ещё сильнее.

След оказался не отпечатком, а скорее областью, где конденсат сложился определённым образом. Ладонь дорисовывал мозг.

— Парейдолия, — сказала Мира вслух. — Спасибо, мозг. Ты снова нарисовал человека на мокром стекле. Очень талантливо.

Коммуникатор Тихона мигнул жёлтым.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

— Да ладно тебе, это просто овощи.

Тихон медленно отполз от динамика к её чашке и попытался залезть внутрь.

— Даже не думай.

Она поставила чашку выше и вернулась к делу.

К 05:37 в карточке находилось уже пятьдесят три обращения. Некоторые пришли за последние минуты. Казалось, что система, однажды услышав число, начала вытаскивать его из шумного мешка реальности, как в настольной игре.

И это было опасное чувство. Мира знала, как оно работает.

Когда начинаешь искать красный цвет, он внезапно оказывается везде: на одежде, в рекламе, на кнопках, в пятнах ржавчины, в чужих глазах после бессонной ночи. Так как внимание включает подсветку.

Она открыла служебный журнал станции, чтобы сверить собственные временные метки.

Сигнал «Сначала послушать» пришёл в 03:12.

Первое обращение о 03:17 принято в 03:17.

Мира посмотрела на эти строки и встала. Ей нужно было пройтись.

Коридор станции встретил её ровным молочным светом. Ночная подсветка делала стены мягче, скрывала царапины, притворялась заботой. На Земле такие коридоры, наверное, назвали бы уютными. На орбите уют был иной: если ничего не пищит красным, уже праздник.

Мира шла вдоль архивных отсеков, касаясь пальцами поручня.

За прозрачными панелями хранились старые носители: кристаллы памяти, кассеты первых экспедиций, чёрные ящики грузовых кораблей, голосовые дневники, медицинские логи, детские сообщения, отправленные в учебных проектах «Напиши звёздам».

Станция «Пульсар» была чердаком человечества.

Сюда складывали всё странное, жалкое, случайное, устаревшее, слишком слабое для большой науки и чрезмерно настоящее и памятное для полного удаления.

Голос ребёнка, поющего песню марсианскому роверу.

Последний сигнал маяка, утонувшего в атмосфере газового гиганта.

Запись смеха экипажа перед аварией, ведь никто ещё не знал, что именно произойдёт.

Радиообращение женщины, уверенной, что умерший муж отвечает ей через шум старого приёмника.

Три секунды тишины с корабля, где всех нашли живыми после крушения.

И миллионы других фрагментов.

Люди всё время отправляли что-нибудь в темноту, даже когда не особенно верили, что кто-то услышит.

Мира остановилась у сектора с ручной маркировкой.

АРХИВ ДО ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ. 2071-2144.

Старая часть станции. Здесь находились дела, обработанные ещё до появления единого протокола. Тогда архивисты многое писали от руки. Иногда добавляли личные комментарии, спорили на полях и были слишком критичными для официальных документов.

Мира не собиралась туда заходить, но её ноги уже стояли перед дверью.

— Это НЕ интуиция, — сказала она пустому коридору. — Всего лишь проверка исторических данных.

Дверь открылась не сразу, сперва вздохнула уплотнителями, а затем отодвинулась в сторону.

Внутри пахло пылью, которой не должно быть на станции. Запах смешался: старый пластик, озон, архивная бумага, человеческое упрямство и требовавшие обновления системы вентиляции.

Мира включила локальный терминал.

Экран замерцал.

Введите запрос.

Она набрала:

/03:17/

Терминал выдал пять совпадений.

Первое: обычный лог связи. Техническая отметка.

Второе: старый учебный сигнал. Ничего.

Третье: медицинская запись. Время пробуждения пациента после крио-сна.

Четвёртое: фрагмент личного дневника неизвестного оператора.

Мира открыла его.

Текст был коротким.

«03:17. Опять проснулась от ощущения, что кто-то стоит в рубке. Никого. Только свет от Земли и шум в канале дальней связи. Наверное, нервы».

Мира перечитала.

Дата: семьдесят восемь лет назад.

Станция «Пульсар» тогда ещё называлась иначе. Не архивная станция, а ретрансляционный узел дальних экспедиций.

Она открыла пятое совпадение, и вокруг воцарилась тишина.

Отчёт об инциденте Р-03, Время первичной фиксации: 03:17 UTC, Статус: закрыто, Достояние: ограниченный.

Мира попыталась открыть полный документ, однако терминал запросил уровень допуска. Она ввела свой код архивариуса. Недостаточно прав.

— Разумеется, — сказала Мира.

Старые архивы обожали эту игру. Сначала показать край тайны, потом хлопнуть крышкой по пальцам.

Она отправила запрос на расшифровку доступа через главный терминал. Ответ должен был прийти в течение суток, если центральный архив не решит, что ей сначала нужно заполнить шесть форм, доказать отсутствие преступных намерений и пожертвовать первенца бюрократии.

За её спиной что-то щёлкнуло.

В дверях архивного сектора стоял Тихон.

Как он добрался сюда из рубки, оставалось вопросом, оскорбительным для системы внутренней безопасности.

Он сидел на пороге и держал во второй паре лапок маленький кусок засохшего питательного геля.

— Ты следил за мной?

Тихон моргнул.

Коммуникатор мигнул зелёным.

СПОКОЙНО.

— Да у тебя вообще всё спокойно. Когда ты был заморожен на сорок лет, то, видимо, просто подумал «Ну, освежился».

Тихон начал есть гель.

Мира снова посмотрела на экран.

Инцидент: P-03. 03:17 UTC. Доступ ограничен.

Ей не нравилось, что число оказалось в старом архиве, странный дневник был связан с пробуждением ночью и ощущением присутствия, а неизвестный сигнал пришёл именно сегодня.

Но больше всего её смущало собственное желание связать всё это в одну линию.

Такие линии опасны.

Человек мог соединить три точки и назвать это созвездием. Потом начать молиться на него, строить маршрут, выбирать день свадьбы, продавать курсы, назначать виноватых и бояться собственной тени.

Мира закрыла терминал.

— Пока это ничего не значит.

Тихон доел гель.

— Я серьёзно.

Он посмотрел на неё с таким выражением, с каким тихоходки, вероятно, смотрели на массовые вымирания: печально, терпеливо, но без участия.

Когда Мира вернулась в рубку, рассвет уже заливал край панели холодным золотом. Станция выходила из ночного режима. Где-то запускались дневные протоколы, просыпались автоматические системы, оживали каналы связи.

На главном терминале мигало новое уведомление.

Запрос от Центра толкования сигналов. Приоритет: высокий.

Мира застыла.

Тихон, карабкавшийся за ней по поручню, тоже остановился, хотя почти наверняка просто устал.

Запрос был подписан именем, от которого у Миры внутри сразу стало слишком тесно.

Леон Ардин.

Её бывший наставник.

Человек, котоый когда-то научил её слушать людей так, словно каждое их слово имело тайную дверь.

И тот самый персонаж, из-за которого она перестала доверять дверям.

Мира открыла сообщение.

Голосовое.

Конечно.

Леон любил голосовые сообщения. Он говорил, что текст слишком честен: в нём мало воздуха для смысла.

Мира не включала запись несколько секунд.

Потом нажала.

Из динамика вышел знакомый голос. Тёплый. Низкий. Уставший ровно настолько, чтобы казаться мудрым.

— Мира, доброго времени. Надеюсь, станция держится, а ты всё ещё кормишь своего бессмертного лаборанта чем-то более приличным, чем архивная пыль.

Тихон поднял голову.

Мира поморщилась.

— Мы получили несколько обращений по новому паттерну. Время 03:17. Повторяющиеся пробуждения, сбои устройств, сны, личные совпадения. Ничего серьёзного, вероятно, но поток растёт. У вас на «Пульсаре» могут быть старые данные по похожим случаям. Нам нужен доступ к архивной выборке.

Мира остановила запись.

Рубка снова наполнилась гулом вентиляции.

Центр тоже в курсе о времени 03:17.

Конечно, в курсе. Гражданские обращения распределились по нескольким узлам, не только к ней. Но Центр обычно не писал так быстро. Сначала они собирали материал, упаковывали в красивую формулировку, готовили платные расшифровки и придумывали работающее название вроде «ночной код перехода» или «число внутреннего пробуждения».

Если Леон вышел на связь сейчас, значит поток заметнее, чем казалось.

Мира включила продолжение.

— И ещё одно, — сказал Леон. — Если к тебе придёт сигнал с фразой «сначала послушать», не удаляй его. И не передавай в автоматический архив. Свяжись со мной напрямую.

Запись закончилась.

Мира не двигалась.

Тихон издал очень тихий звук.

Это был не писк и не щелчок. Скорее влажное микроскопическое «пф», с которым крошечное существо высказывало мнение о больших проблемах.

Мира повернула голову к нему.

— Ты это слышал?

Коммуникатор мигнул жёлтым цветом.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

Мира посмотрела на файл «Сначала послушать», затем на сообщение Леона и список обращений с числом 03:17.

Все разумные объяснения были на месте. Информационное заражение, ошибка внимания, технические сбои, старая архивная метка и совпадение, усиленное тревогой.

Ни одно из них не исчезло, но появилось ещё одно обстоятельство.

Леон знал фразу до того, как она успела кому-либо о ней сообщить.

Мира открыла служебный чат и начала писать ответ.

Леон, откуда ты знаешь про...

Она остановилась, стёрла и написала заново.

Запрос получила. Данные по 03:17 проверяю. По дополнительным сигналам информации нет.

Она посмотрела на последнюю фразу. Ложь была маленькая. Служебная.

В Центре её когда-то учили: маленькая ложь хороша тем, что помещается между двумя правдами и смотрится там естественно.

Мира удалила сообщение целиком.

Нет. Она больше не работала в Центре.

Девушка открыла официальный ответный протокол.

Доступ к архивной выборке будет предоставлен после внутренней проверки. Все запросы по неопределённым сигналам направляйте в центральный канал.

Сухо и бесполезно. Прекрасно.

Она отправила.

Потом вручную закрыла внешний доступ к делу 001.

Система уточнила: причина ограничения?

Мира набрала: проверка на возможную манипуляцию данными.

Это было правдой. Не всей, но правдой.

В этот момент на экране странный файл мигнул сам по себе.

Мира резко потянулась к клавиатуре, но запись уже открылась. Шум пошёл через динамики. Сухой, плёночный, зернистый.

Тихон замер.

Мира не нажимала воспроизведение. Она проверила панель. Команда запуска не отображалась, а шум стал громче. Под ним проступили три коротких провала. Один длинный. Один короткий.

Потом голос.

Тот же. Слабый. Почти царапина на тишине.

— Не ему.

Мира почувствовала, как у неё сжалось горло.

Она наклонилась ближе.

— Повтори, — произнесла она, хотя понимала, насколько глупо разговаривать с записью.

Шум дрогнул. Голос вернулся.

— Не ему.

Пауза.

Потом новая фраза, совсем тихая:

— В тринадцать началось не это.

Запись оборвалась.

На экране появилась системная ошибка.

ФАЙЛ ПОВРЕЖДЁН. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО.

— Нет-нет-нет, — быстро прошептала Мира.

Она открыла резервную копию. Файл был пуст. Проверила временный буфер — ничего. Посмотрела запись аудиовыхода рубки — последние двадцать секунд отсутствовали. Их просто не было, словно станция перестала существовать на этот промежуток времени.

Мира сидела перед экраном и слушала собственное дыхание, а затем медленно повернулась к Тихону.

— Мы никому об этом не рассказываем.

Коммуникатор мигнул зелёным.

СПОКОЙНО.

— И хватит быть таким спокойным. Это нервирует.

Тихон подполз ближе и, нарушив все правила техники безопасности и личного пространства, положил одну крошечную лапку на край её рукава.

Мира посмотрела на него, затем — снова на экран.

В карточке дела 001 появилась новая строка. Она точно не вводила её сама.

/03:17 не является временем/

Мира несколько секунд не моргала.

Затем она резко открыла системный журнал. Никаких изменений. Далее историю редактирования дела. Последнее действие: оператор М. Соколова, ограничение внешнего доступа. Никакой новой строки. Но в карточке она есть.

Белые буквы. Чёрный фон.

/03:17 не является временем/

Снаружи Земля окончательно вышла в свет. Города исчезали под голубым сиянием атмосферы. Люди внизу просыпались, включали чайники, искали потерянные носки, смотрели на часы, забывали сны.

Может быть, кто-то из них увидел 03:17 и решил, что Вселенная пытается что-то сказать.

Мира всё ещё не верила в знаки.

Но впервые за много лет ей пришлось в голову, что некоторые вещи притворяются знаками, только потому что люди иначе не станут на них смотреть.

Она сохранила дело и переименовала категорию.

Не повторяющиеся числа.

Подумала. Ввела новую:

/Неопознанный паттерн/

Тихон зашуршал рядом, устраиваясь у неё на рукаве.

Мира не стала сгонять его.

На панели снова мигнула очередь обращений. Новое обращение. Поступило ровно в 03:17 по локальному времени отправителя, хотя на «Пульсаре» уже давно было утро.

Мира открыла его. В сообщении отсутствовал текст. Только изображение — синяя дверь. На ней белыми цифрами было написано: 03:17. И под цифрами, неровно, словно пальцем по пыли:

/Сначала послушать/

ГЛАВА 3. ТИХОН ВЫХОДИТ ИЗ РЕЖИМА 0 ДБ

Тихон исчез в 06:17.

Мира поняла это не сразу.

Она рассматривала изображение синей двери, присланное неизвестным отправителем. Увеличивала цифры 03:17. Проверяла метаданные файла. Пыталась определить, где сделан снимок, и раздражалась всё сильнее, потому что любая попытка что-то разузнать оказывалась бесполезной.

Всё сводилось к тому, словно снимок был иллюзией: отсутствовали дата создания, модель камеры, координаты, временная метка. Не было следов сжатия, пересылки, редактирования, повреждения, человеческого или машинного участия и всего остального, за что можно ухватиться двумя руками и поймать реальность с поличным.

При этом изображение действительно находилось в системе: синяя дверь, белые цифры и пыльная надпись "сначала послушать".

В какой-то момент проверки Мира заметила, что на её рукаве больше никто не лежит. Она машинально посмотрела вправо. Пусто. На панели, где Тихон обычно устраивался после ночных смен, лежала только капля питательного геля и тонкий след, словно кто-то мокрой кистью провёл по пластику.

- Тихон?

Станция ответила привычно звуками вентиляции.

Мира повернулась в кресле.

- Тихон, если ты снова залез в отсек охлаждения, то я официально перестаю уважать твои жизненные решения.

Но никого не было: ни в консоли, ни в контейнере с кабелями, ни рядом с чашкой кофе.

Так что Мира открыла локатор.

У каждого живого организма на станции был маячок: у Миры в браслете, у Тихона в нагрудном креплении. Формально это считалось системой безопасности. Неформально браслет Миры чаще всего напоминал ей пить воду, а маячок Тихона позволял доставать его из мест, куда ни одно существо размером с детский кулак не должно помещаться без нарушения законов инженерной этики.

На схеме мигнула точка.

Объект Т-08. Местоположение: архивный сектор С.

Мира нахмурилась.

- Что ты там забыл?

Точка не двигалась.

Сектор С был старым архивом до централизации. Тем самым, где ночью Мира нашла отчёт об инциденте Р-03.

Она встала слишком резко. Кресло отъехало назад и тихо ударилось о крепёж пола.

В рубке ещё горел утренний свет. Земля за иллюминатором сияла так спокойно, будто внизу не существовало ни тревожных снов, ни повторяющихся чисел, ни людей, готовых объявить поломанный таймер посланием судьбы.

Мира не любила бегать по станции.

Во-первых, это было запрещено.

Во-вторых, станция "Пульсар" была спроектирована людьми, верившими в поручни сильнее, чем в прямые маршруты.

В-третьих, если бежать по орбитальному архиву в одиночку, очень быстро начинает казаться, что за тобой кто-то тоже бежит, только чуть тише.

Поэтому она пошла, но быстро.

Коридор встретил её дневным режимом: белые полосы света, мягкое жужжание фильтров, служебные экраны с расписанием профилактики. На одном из экранов мигало объявление:

Сегодня: проверка шлюзового отсека В. Ответственный: М. Соколова.

Мира показала ему кулак.

- Потом.

Станция почти проснулась. В гидропонном блоке включился дополнительный цикл полива. В медицинском отсеке заработал анализатор воздуха. Где-то в жилом модуле автоматический чайник загудел с полной решительностью начать работу.

Только людей здесь почти не было.

На "Пульсаре" когда-то работала полноценная команда. Шесть архивистов, два инженера, биолог, врач, оператор дальних каналов, стажёры, и иногда научные группы с Земли. Судя по старым фотографиям, они устраивали дни рождения в грузовом отсеке, спорили о музыке, рисовали на контейнерах смешные лица и однажды даже сделали снег из стерильной упаковочной пены.

Теперь станция считалась полу-законсервированной.

Архив перевели на автоматическую обработку. Людей оставили минимум. Один оператор на смене, один удалённый инженер в резерве, одна биологическая программа, забытая между пунктами бюджета.

Мира была оператором.

Тихон, видимо, программой.

Иногда Мире казалось, что они оба здесь по одной причине: их дешевле было оставить, чем аккуратно перевести куда-нибудь ещё.

Она свернула в сектор С.

Дверь старого архива была приоткрыта. Это сразу не понравилось.

Двери на станции не оставались приоткрытыми просто так. Они либо закрывались, либо блокировались, либо ломались с аварийным писком.

- Тихон?

Внутри горел слабый свет.

Мира вошла.

Старый архив пах так же, как ночью: пластик, озон, невозможная пыль и что-то ещё, напоминавшее запах бумаги. Здесь было холоднее, чем в жилых отсеках. Стеллажи с резервными носителями уходили вглубь, образуя узкие проходы. На стенах висели таблички с выцветшими надписями.

"Не выносить физические копии без регистрации".

"Ручная разметка обязательна".

"При потере сигнала сохранять спокойствие".

Последняя табличка всегда казалась Мире слишком оптимистичной.

Маячок показывал, что Тихон рядом, но видно его не было.

Мира медленно прошла между стеллажами.

- Я знаю, ты можешь пережить вакуум, радиацию и очень плохие решения научного комитета, но это не значит, что каждый раз стоит так рисковать, и что я вдруг по какой-то причине не беспокоюсь твоим отсутствием.

Где-то справа послышался слабый шорох.

Она повернулась.

Тихон сидел на полу перед нижним ящиком архивного шкафа.

Ящик был выдвинут.

Судя по царапинам на металле, это было сделано уже не впервые. Но сейчас в ящике лежал один-единственный контейнер из мутного пластика, плотно закрытый, с красной полосой на краю.

Тихон упёрся в него передними лапками и пытался сдвинуть.

Безуспешно.

- Ты серьёзно?

Коммуникатор мигнул жёлтым.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

- Это контейнер.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

- Великолепный диалог.

Мира присела рядом.

На контейнере находилась старая маркировка.

Р-03. Биологические образцы. Доступ ограничен.

У Миры неприятно сжался живот.

Р-03.

Тот же код, что в ночном отчёте.

Инцидент с первичной фиксацией в 03:17.

Она не сразу коснулась контейнера. Сначала осмотрела пломбу. Старая, но целая. Потом провела браслетом по метке.

Система ответила почти мгновенно.

Доступ запрещён. Требуется биологический допуск уровня 4.

- Ну конечно.

Тихон снова толкнул контейнер.

- Не надо.

Он толкнул сильнее.

Для существа его размера это было героически, хоть результат и оставался нулевым.

- Тихон, если ты сейчас устроишь биологический инцидент в старом архиве, я напишу в отчёте, что ты сделал это осознанно.

Коммуникатор мигнул.

ГОЛОД.

Мира прищурилась.

- Не пытайся сменить тему.

ГОЛОД.

- Я видела, как ты ел гель несколько минут назад.

ГОЛОД.

- Ты отвратительно убедителен.

Она достала из кармана маленькую капсулу питательного раствора, вскрыла её и положила каплю на плоскую крышку соседнего ящика. Тихон посмотрел на каплю. Потом на контейнер. Снова на каплю.

Внутренний конфликт занял у него четыре секунды.

Победила капля.

Мира воспользовалась моментом и осторожно подняла контейнер.

Он был тяжелее, чем выглядел. Внутри что-то мягко стукнуло о стенку, словно несколько старых ампул перекатились в таблетнице.

На нижней стороне обнаружилась ещё одна метка. Не напечатанная, выцарапанная.

T-08.

Мира медленно повернулась к Тихону.

Он доедал гель с выражением невинного комка.

- Это ты?

Коммуникатор молчал.

- Тихон.

Он поднял голову.

- Почему твой номер на контейнере инцидента P-03?

Коммуникатор мигнул зелёным.

СПОКОЙНО.

Мира закрыла глаза.

- Вот сейчас это особенно неуместно.

Она поставила контейнер на пол и открыла переносной терминал. Если сам отчёт был закрыт, можно попробовать найти косвенные упоминания. Не документ P-03, а всё, что с ним связано: списки оборудования, медицинские накладные, журналы смен, заявки на ремонт и старые письма.

Архивы редко умели хранить секреты полностью.

Люди засекречивали главное и забывали убрать тень.

Мира ввела:

P-03 T-08.

Результатов не было.

Она попробовала иначе:

T-08 biological sample.

Пять совпадений.

Первое: технический паспорт биокапсулы.

Второе: список экспериментальных организмов дальнего цикла.

Третье: акт передачи в архив.

Четвёртое: фрагмент отчёта о перевозке.

Пятое: повреждённая аудиозапись.

Мира открыла акт передачи.

Объект T-08. Класс: Tardigrada. Модификация: радиационная устойчивость, метаболическая пауза, микросенсорная реактивность. Статус после инцидента P-03: сохранён. Переведён в пассивное наблюдение.

Мира перечитала строку.

Статус после инцидента P-03: сохранён.

Она знала биографию Тихона по официальной карточке. Экспериментальный организм, доставлен на "Пульсар" пять лет назад из орбитальной лаборатории. Допущен к свободному перемещению в закрытых секторах. Не представляет угрозы. Требуется влажной среды, питательный раствор, контроль крепления маячка.

Пять лет назад.

А этот акт был датирован семьдесят восемь лет назад.

Станция вокруг будто стала больше. Слишком много пространства появилось между стенами, слишком много прошлого под полом.

- Тихон, - сказала Мира тихо. - Сколько тебе лет?

Тихон облизнул крышку капсулы.

Коммуникатор выдал:

ГОЛОД.

- Да, твоя биография впечатляет.

Она открыла повреждённую аудиозапись.

Система предупредила: качество низкое. Восстановление частичное.

Мира нажала на воспроизведение.

Сначала появился шум.

Не такой, как в файле "Сначала послушать". Этот шум был старый, глухой, с механическими шелчками. Запись явно делалась в спешке, возможно, на резервный носитель.

Потом прозвучал мужской голос:

- ...объект Т-восемь реагирует раньше датчиков. Повторяю: раньше датчиков. За семнадцать секунд до провала связи двигательная активность повышается. Он поворачивается к...

Шум съел конец фразы.

Затем другой голос, женский:

- Не смейся меня. Это тихходка, а не пророк.

Мира замерла.

Мужской голос вернулся.

- Я говорю не "пророк", а "датчик". Нам нужно слушать то, что реагирует до нас.

Щелчок.

Треск.

Фраза почти потонула.

- Если в 03:17 повторится...

Запись оборвалась.

Мира сидела на полу старого архива, держа терминал на коленях.

Тихон подполз ближе и устроился рядом с её ботинком.

Мира смотрела на него уже иначе. Не как на странного станционного питомца или маленького нарушителя порядка, а как на живую улику, которая восемь десятилетий тихо ползала по станции, ела гель, спала в ботинках и, возможно, помнила то, что архивы спрятали под ограниченным доступом.

- Ты был здесь, - сказала она.

Тихон молчал.

- Не пять лет назад. Тогда тебя просто снова оформили. Ты был на "Пульсаре" во время Р-03.

Коммуникатор мигнул жёлтым.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

Мира осторожно протянула руку и коснулась его складчатой спины одним пальцем. Тихон не отодвинулся.

- Ты реагируешь на сигнал?

Коммуникатор молчал.

- На 03:17?

Жёлтый огонёк.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

- На фразу "сначала послушать"?

На этот раз коммуникатор мигнул красным.

Мира отдернула руку.

Красный сигнал у Тихона был редкостью.

Она видела его только дважды. Первый раз, когда в техническом отсеке резко упала влажность. Второй раз, когда автоматический пылесос принял его за комок загрязнения и попытался втянуть в себя бессмертную научную ценность.

Красный означал лишь одно:

УГРОЗА.

Мира почувствовала, как по спине прошёл холодок.

- Фраза угрожает тебе?

Коммуникатор продолжал мигать красным.

- Или тому, кто её прислал?

Красный свет погас.

Появился жёлтый.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

- Понятно. Ничего не понятно.

Она поднялась, взяла контейнер Р-03 и понесла его к выходу.

Тихон неожиданно зашуршал громче и преградил ей путь.

Для существа размером с детский кулак это выглядело не очень убедительно, но Мира остановилась.

- Что?

Тихон поднял передние лапки. Коммуникатор мигнул красным.

УГРОЗА.

- Контейнер нельзя уносить?

Красный.

- Открывать?

Красный.

- Даже скнировать?

Жёлтый.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

- Спасибо за ясность.

Она поставила контейнер обратно в ящик. Красный сигнал погас.

Тихон медленно опустился на пол.

Мира поняла, что задержала дыхание.

- Хорошо. Не трогаем.

Она закрыла ящик, но не до конца. Оставила тонкую щель, чтобы не сработала старая защёлка. Потом сфотографировала маркировку, сохранила копии найденных документов в закрытом разделе дела 001 и поставила пометку:

Объект Т-08 связан с инцидентом Р-03. Проверить подлинную дату доставки на станцию.

Пальцы сами добавили ещё одну строку:

Тихон реагирует на фразу "сначала послушать" как на угрозу.

Эта запись выглядела нелепо. Почти смешно. Почти как начало отчёта человека, которому скоро предложат отпуск, консультацию и меньше кофе после полуночи.

Мира всё равно сохранила.

На обратном пути она шла медленнее.

Тихон полз рядом по поручню, то отставая, то догоняя. Его коготки едва слышно щёлкали по металлу.

Мира впервые подумала, что почти ничего о нём не знает.

Она была в курсе того, сколько раствора ему нужно, где он чаще всего спит, почему он не любит записи грозы, зато спокойно слушает лекции по астрофизике, если диктор говорит монотонно. Помнила, что однажды он забрался в коробку с бумажными стикерами и три дня ходил с розовым листочком на спине. На листочке было написано: "проверить фильтры". Её умиляло, что когда ей было совсем плохо после ухода из Центра, он сам пришёл в жилой модуль и лёг на край подушки.

Но она не знала главного.

Откуда он?

Что с ним делали?

Почему его карточка была переписана?

И по какой причине старый исследователь на повреждённой записи называл его датчиком?

- Прости, - сказала Мира.

Тихон остановился.

- Я думала, ты просто странный.

Коммуникатор мигнул зелёным.

СПОКОЙНО.

- Да, это мы уже установили.

В рубке их ждали новые сообщения. Очередь обращений выросла до ста восьми. Мира даже не удивилась.

Она отсортировала их по теме. Повторяющиеся числа. Сны. Синяя дверь. Ощущение присутствия. Записи шума. Сбои света на семнадцать секунд.

Синяя дверь уже встречалась семь раз. В одном сообщении её видели во сне, в другом - на старой фотографии, в третьем - ребёнок нарисовал её на уроке, хотя родители клялись, что не показывали ему никаких новостей и не обсуждали 03:17.

Мира открыла рисунок.

Синяя дверь.

Белые цифры.

Кривой детский почерк внизу: она не открывается наружу.

Мира долго смотрела на фразу. Потом закрыла изображение.

Внутри росло неприятное ощущение, что она стоит перед огромной машиной, видит только маленький винтик и пытается объяснить по нему всю консутркуцию.

Это было плохое ощущение, но знакомое. Так начиналась работа.

Настоящая, не центровская. Без "упакуем чужую тревогу в красивый ответ". А грязная, медленная, честная работа, где первая обязанность не придумать новый смысл, а не наврать.

Мира открыла канал внутренней связи.

- Станция, запусти полную диагностику архивного сектора С за последние двенадцать часов.

Система ответила спокойным голосом:

- Диагностика запущена.

- Проверить все обращения с меткой 03:17 за последние тридцать суток. Сравнить источники, время отправления, сетевые связи, открытые публикации, технические сбои, медицинские обращения, сны.

- Задача поставлена.

- Ограничить внешний доступ к делу 001.

- Уже ограничен.

Мира помолчала.

- Проверить биографическую карточку объекта Т-08.

Пауза длилась меньше секунды, но Мира её заметила.

- Карточка объекта Т-08 доступна.

- Вывести дату первичной регистрации.

- Дата первичной регистрации: 17 мая 2189 года.

- Проверить архивные упоминания до 2189 года.

- Архивных упоминаний нет.

Мира посмотрела на сохранённый акт передачи, датированный 2111 годом.

- Ложь, - сказала она.

Система, к счастью, не обиделась.

- Команда не распознана.

- Конечно.

Она открыла файл акта вручную, выделила дату, номер объекта, ссылку на Р-03 и отправила системе запрос на сверку.

На экране появилась надпись: файл не найден.

Мира моргнула. Открыла папку сохранённых копий. Акт передачи был на месте. Внутри акта был виден текст, маркировка, дата, ссылка на Р-03. Но система продолжала утверждать, что файла не существует.

- Тихон, - сказал Мира очень спокойно. - У нас завёлся документ, который существует только для глаз.

Коммуникатор мигнул жёлтым.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ.

- Да. У меня примерно такой же научный вывод.

Она сделала скриншот экрана.

Система сохранила изображение под названием:

пустой_файл.png

На скриншоте была пустая серая панель.

Мира медленно откинулась на спинку кресла.

Где-то внутри неё поднялся смех. Не весёлый. Тонкий, нервный, как звук натянутой проволоки. Реальность не просто вела себя странно, а уже начала спорить с протоколами.

Мира потянулась к чашке, вспомнила, что та осталась в рубке с ночи, посмотрела внутрь и решила, что даже отчаявшийся архивариус не должен пить такое.

- Завтрак, - сказала она. - Мы сейчас идём завтракать.

Тихон повернулся к ней.

- Да. Именно так. Потому что если мир вокруг ломается, человек всё равно должен поесть. Это основа цивилизации.

Кухонный модуль находился через два отсека от рубки. Он был маленьким, нелепо уютным и забитым упаковками с едой, названия которых звучали довольно бодро: "омлет утренний", "каша домашняя", "суп праздничный", "кофе улучшенный".

Мира выбрала кашу, а Тихону дала свежий гель.

Они ели молча.

За маленьким круглым иллюминатором ползла Земля. Где-то там начинались рабочие дни. Люди открывали глаза, проверяли сообщения, видели странные цифры, вспоминали сны, спорили с близкими, искали смыслы, теряли ключи и боялись будущего.

Мира подумала, что работа Центра была такой успешной не потому что люди глупые. Просто одиночество слишком легко принимает форму вопроса.

"Почему это случилось со мной?"

"Что это значит?"

"Кто-то видит меня?"

"Я правильно живу?"

"Я не ошиблась?"

Человек отправляет такой запрос в темноту.

А если оттуда приходит хоть какой-то ответ, даже поддельный, общий или написанный по скрипту, рука всё равно тянется к нему.

Мира положила ложку.

- Я не хочу быть как они, - произнесла она.

Тихон ел гель.

- Но и не хочу говорить всем этим людям: "Ваш мозг ошибся, доброй ночи".

Тихон перестал есть.

- Потому что это тоже ложь. Не фактическая. Человеческая.

Он медленно подполз к краю стола.

- Не все вопросы про цифры на часах на самом деле про цифры на часах.

Коммуникатор мигнул зелёным.

СПОКОЙНО.

Мира тихо усмехнулась.

- Ты ужасный терапевт, но при этом достаточно эффективный.

И тут станция внезапно погасла. Не полностью. На доли секунды.

Свет исчез, звук вентиляции провалился, экраны моргнули чёрным. Мира почувствовала не страх, а пустоту. Ту самую, мгновенную, где всё, что поддерживает жизнь, внезапно перестаёт обещать продолжение.

Потом системы снова включились. Красного сигнала тревоги не было. Кухонный модуль снова загудел.

Мира вскочила.

- Станция, отчёт.

- Кратковременный сбой питания в секторе питания и рубке наблюдения. Длительность: семнадцать секунд.

Мира медленно повернула голову к Тихону. Тот уже не ел, а смотрел в сторону коридора. Коммуникатор на его креплении мигал красным.

УГРОЗА.

- Источник сбоя? - спросила Мира.

- Не установлен.

- Повреждения?

- Не обнаружены.

- Посторонний доступ?

- Не обнаружен.

- Записи с камер за время сбоя.

- Записи отсутствуют.

Мира закрыла глаза на секунду.

Семнадцать секунд.

Конечно.

- Включить камеры рубки сейчас.

На стене кухонного модуля открылось окно видеонаблюдения. Рубка была пуста. Почти. На главном экране горел файл дела 001. В центре карточки появилась новая строка. Большая. Белая. Невероятная.

Т-08 уже слушал. Мира не сразу поняла, что Тихон издал звук. Настоящий. Не шорох, влажное "пф" или щелчок коготков по металлу. Тонкий, едва слышный писк. Режим 0 дБ закончился.

Мира опустилась перед ним на колени.

- Тихон?

Он дрожал.

Совсем немного. Почти незаметно. Но для того, кто способен пережить заморозку и космическую радиацию, это было страшнее любого красного сигнала.

Она осторожно подставила ладонь. Тихон не сразу, но забрался на неё. Он был лёгкий. Тёплый. Живой.

Коммуникатор мигал красным, жёлтым, снова красным, потом вдруг выдал сообщение, которого в его словаре не было.

ДВЕРЬ.

- Что?

Коммуникатор мигнул ещё раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.